

АНАТОЛИЙ РОГОВ

ГОРИ, ГОРИ ЯСНО

Известность пришла к Валентину Сидорову давно, с появлением на выставках его первых значительных работ: “Майский дождик” – с девочками на завалинке, заморожёнными солнечным дождиком, “На тёплой земле” – с девочкой, наблюдающей, как мать сажает в свежие грядки рассаду. Яркие оригинальные картины Сидорова появлялись с тех пор почти на каждой большой выставке, и вот уже лет тридцать его фамилия в первом ряду крупнейших современных отечественных живописцев. Валентин Михайлович отмечен всеми высшими титулами: Народный художник СССР, академик Академии художеств, член её Президиума, лауреат Государственных премий СССР и России. Уже два десятилетия председательствует в Союзе художников России. О нём вышло несколько книг, в том числе за рубежом, написаны, наверное, сотни статей, сняты фильмы, он частый гость на телеэкране. Сидоров и сам давно и прекрасно пишет, постоянно публикуясь в толстых и тонких журналах с рассказами о художниках и ярких людях. В восемьдесят шестом году выпустил интереснейшую книгу о Тверской земле “Край вдохновения”, а в две тысячи вторым в журнале “Москва” появилась его автобиографическая повесть “Гори, гори ясно” о собственном детстве и о том, как и почему он стал художником.

А в последние годы у Сидорова прошло несколько персональных выставок в Белоруссии, на Украине, в Армении, Узбекистане, Киргизии, в некоторых российских городах.

В Москве же персональной выставки этого известнейшего художника никогда не было.

И вот, наконец, первая: в выставочных залах нового корпуса Третьяковской галереи. В честь его восьмидесятилетия, которое отмечалось в мае 2008 года. Открылась выставка 13 ноября, под девизом “Гори, гори ясно” – так значилось на афишах и пригласительных билетах, на коих воспроизводилась и самая знаменитая картина Сидорова “Пора безоблачного неба”.

Все три выставочных зала нового корпуса Третьяковки были сплошь в картинах, начиная с малых, ещё ученических, помеченных 1945 годом, и кончая огромным полотном “После грозы”, под которым стояла дата написания “2008-й”. Всего же произведений было семьдесят два – это, разумеется, только часть из созданного им.

Славословили Валентина Михайловича безудержно: он – выдающийся, великий, таинственный, он – ярчайший продолжатель традиций классиков русского пейзажа Саврасова, Левитана, Рылова, а с другой стороны, и прямой наследник Венецианова и Пластова. . . Один известный доктор искусствоведения говорил даже о “пронзительной боли к родному пепелищу, к скорбной судьбе русской деревни, разорённой и гибнущей”. Но где он видел у Сидорова пепелища и разорения, неведомо – нет у него ни одной такой картины. И все, буквально все повторяли: пейзаж, пейзаж, его пейзаж, русский пейзаж во всей своей поэтической глубине. . .

А разве пейзажи Сидорова действительно пейзажи в общепринятом понимании этого живописного жанра?

Ведь нет же. Но никто не сказал об этом.

И о сути всего творчества Сидорова никто не сказал.

А ведь только на этой, именно на этой первой обобщающей выставке художник Валентин Сидоров предстал перед нами в подлинной своей полноте, в подлинном своём масштабе. И это очень важно осмыслить. Важно для всего русского искусства.

Ещё в студенчестве, в художественном институте Сидоров открыл для себя вроде бы простую истину: писать надо только то, что волнует тебя сильнее всего, что ближе, дороже всего твоей душе. Тогда каким-то неведомым образом эти чувства переходят на холсты и начинают волновать зрителей... А он больше всего, сильнее всего любил ту приволжскую тверскую деревню с удивительным названием Сорокопенье – сорок пней, – в которой появился на свет. Прожил там, в доме бабушки по отцу первые годы, потом переселился за несколько вёрст в деревню Коровино, в дом бабушки по матери, а в школу пошел уже в Москве, где обосновались родители. Но в Коровино проводил каждое лето и первые военные годы работал в тамошнем колхозе. И, защитив диплом, сразу же умотал туда, превратив бабушкину избу в первую свою мастерскую, хотя материально в первые годы там было очень нелегко. Выдюжил вместе с бабушкой. И с тех пор большую часть времени так там, на тверской земле, и работает. Правда, уже в доме, построенном для матери в деревне Подол, что неподалёку от Вышнего Волочка и озера Удомля, где Левитан написал “Над вечным покоем”. И “Мартовский снег” написан в тех местах. Поблизости и места Венецианова, Сороки, Бельницкого-Бируля и Академическая дача, где работал Репин и которая носит его имя.

Ни одного городского пейзажа у Сидорова нет. Ни одного городского мотива, сюжета, даже хотя бы где-то вдали силуэта городского. Только тверские просторы, поля, холмы, леса, озёра, дороги, деревни, их жизнь...

Первая большая картина “Бабушкины сказки” была написана в год завершения учёбы в художественном институте, в пятьдесят четвёртом. Мальчонка в валенках, в белой рубашонке и бабушка в белом платочке сидят в жарком красном свете перед открытой топящейся печкой. Композиционно сцена выстроена отлично, но в живописи Сидоров ещё робок, несамостоятелен – это скорее эскиз, чем завершённое полотно. Валентин Михайлович рассказывает в автобиографической повести, что именно так в детстве слушал сказки своей бабушки, именно так синели сумерки с редкими огоньками за окном, у их ног в тепле блаженствовала собака, голос бабушки был тёплый-тёплый и журчал, журчал...

Но подобные печи топились ведь зимами в миллионах русских изб, и миллионы похожих мальчишек точно так же, греясь в жарком красном свете, слушали сказки своих бабушек, и в их душах и головёнках творилось то же самое, что в сидоровских. И потому, несмотря на некоторое несовершенство этого полотна, оно по сей день властно притягивает к себе, наполняет каждого своими воспоминаниями, своим теплом.

Художественная самостоятельность появляется у Сидорова в упомянутом уже полотне “На тёплой земле” (1957), где женщина сажает из лукошка в грядку рассаду, а её маленькая дочка стоит между грядок напротив и внимательно смотрит, учится, как это надо делать. Стоит в розовеньком по-весеннему платьице, белом платочке, босая – земля-то уже тёплая. Тут уже нет ничего случайного, “не работающего”, все формы обобщены, лаконичны. Звенящие, прозрачные розовые цвета влекут за собой обильные весенние мягко-коричневые, голубоватые, желтоватые. Колорит завораживающий.

Мотив опять был роднее родных; для фигуры женщины Сидорову позировала его матушка, а девочку он писал со своей младшей сестрёнки. Но скажите, какая девчонка, какой мальчишка в деревнях, как только теплела земля, не скидывал надоевшую за зиму, в холода и дожди обувь и не выскакивал на волю босиком, тем более в первый раз, когда земля местами ещё прихватывает холодком. Упоение, полная воля, радость через край!..

Совсем же художественно самостоятельным Сидоров становится в начале шестидесятых, о чём говорит его пейзаж “Март. Месяц зародился”. Впрочем, пейзаж ли это в самом деле или нечто большее, судите сами: на холсте внизу от края до края крыша избы под слоем голубоватого снега с сосульками по

краю, за ней на фоне высокого сизовато-серого вечернего неба торчат две сосны – длинная и низкая, – и две голые ветлы, а меж их верхушками светится тоненький серп. Лаконизм предельный, формы скупей не придумаешь, а впечатление сильнейшее. Потому что при выразительнейшей композиции в цвете, колористически всё до иллюзорности точно, и по состоянию, и по настроению.

А следом появился и пейзаж “Белым снегом”, – в котором через огромное снежное пространство, в рыжеватой сквозной рощице на горке виднеется деревня, дальше, на горизонте тоненькая полоска тёмного леса. Белого чистейшего снега тут более двух третей внизу холста, а сверху чуть серенькое небо, и лишь четыре крошечных фигурки, идущие мимо рощицы, чернеются. Только у нас в России бывает так много такой свежей мягкой белизны, бывает такой покой и такая тишина. И как виртуозен уже художник, переживший всё это нам самыми малыми, скуднейшими средствами, но безукоризненной композицией и тончайшей бело-серовато-сизоватой цветовой гаммой. . .

На свете существуют три основных типа художников: подражатели, спекулянты и творцы. Подражателей больше всего, среди них есть одаренные и мастеровитые, есть даже мастера-виртуозы и великие трудяги, но у них нет собственного видения мира, душа их банальна, и они в своих творениях только кому-то или чему-то подражают, иногда и блестяще, но всегда идут в каком-то общем течении. Спекулянтов поменьше. Среди них есть и настоящие таланты, и бездари, и даже вовсе ничего не умеющие. Объединяет же их то, что все они ищут в искусстве и ждут от него лишь личного успеха и обогащения, для чего кто-то спекулирует на острых, взрывных темах или сюжетах, кто-то на неожиданных, “авангардных” формах: модернизмах, абстракциях, перформансах, инсталляциях и прочей галиматье. Главное – поразить! прогнать! заработать! По существу, это уже и не искусство, а примитивный современный бизнес. Творцов же меньше всего, вернее, совсем мало, ибо зрение их глубже, чем у всех, и души у них и сердца больше и горячее, чем у остальных, – и всё это обязательно переливается в их творения, в их изобразительный язык. Всё становится неповторимым, единственным на свете, как они сами.

Валентин Михайлович великолепно описал эту внутреннюю потребность в своей повести.

“Снег заметно осел, но лежит ещё сплошняком, а в синем небе зазвенел уже жаворонок, он вовсю сверлит и сверлит её своей песней. Невозможно не попробовать отыскать его. Ищем, закрываясь ладонями от солнца. Вот он маленькой точечкой мелькнул. Всё выше и выше, сверлит и сверлит. Потом пение оборвалось, и точечка словно с горы скатилась к кустам, не издав более ни единого звука. Мы уstraиваемся писать, протаптываем в снегу след. Не успели расставить этюдники, как снова зазвенела радостная песня. Всё выше и выше.

– Ты смотри, Лёв, ведь жаворонок поёт только, когда устремлён вверх. Падая, не издаёт ни звука.

Вот это мысль! Стоим оба, смотрим опять на жаворонка, кажется, что он набирает высоту с трудом, с трудом преодолевает метр за метром, ещё метр, ещё чуть-чуть, всё выше и выше, но, поднимаясь, поёт, радуясь этому преодолению, и уже почти не видно его, а только слышится серебристая звонкая трель, но вот она снова оборвалась, и маленький комочек, не издав ни звука, снова скатился с высоты в кустарник. Надо писать, надо попытаться изобразить это ясное высокое небо. А пение жаворонка изобразить можно?

Пение жаворонка дало нам пищу для философствования на всю обратную дорогу, итогом наших размышлений был вывод о том, что только стремление к высоте, как бы трудно ни было восхождение, стремление к совершенству, может привести к итогу – радостной песне. Падение же песни не рождает”.

Сидоров работает только чёткими, крупными, яркими формами. И композиции у него всегда очень чёткие, выверенные, с чёткими ритмами. Живописец же он бесподобный, дар, как говорится, от Бога, – в цвете всё правдиво, многозвучно и цельно, эмоционально приподнято, – поднимается до символа. Я не встречал у современных художников таких оголённых, чётко очерченных изб, сараев, горизонтов, такой яркой, разнообразной детворы и поразительно точных по характеристикам взрослых. Таких выразительных деревьев, просторов, дождей, туманов, закатов. Ни у кого из нынешних живописцев нет

стольких разнообразных небес и облаков, сколько у него. Облака спокойные, грозовые, несущиеся, мрачные, весёлые, слоистые, кучевые, одинокие, похожие на барашков, на замки, белоснежные, розовые, мглистые, серые – не перечить.

А вслушайтесь в само звучание названий его работ: “Русская весна”, “Утро на Подоле”, “С гор вода”, “Вечерняя тишина”, “Чудные облака”, “Дождь моросил до вечера”, “Синий бор”, “Счастливые”, “Там, за лесом моё детство”, “Берёзовый ветер”, “Тот тоскливый день осени”, “Уже скворцы собираются в стаи”...

В “Русской весне” у него на высоком голом оттаявшем землисто-зеленоватом взгорке стоит одинокая изба близкого к земле цвета, по бокам ее торчат тонюсенькие берёзки, высокие шести со скворечниками, на подъёме взлобка лежат ошметки рыхлого дотаивающего снега, а наверху, в разрывах затянутого сизоватыми облаками неба, глянула звенящая лазурь.

Мотив одинокой избы на голой горке с дотаивающими внизу пластами снега Сидоров повторял не раз.

А вот и самое известное его полотно “Пора безоблачного неба”. Двое мальчишек лежат лицом к лицу на зеленой лужайке и читают книжку, неподалёку стоит маленький телёнок и разглядывает их, а дальше – горизонт с редко стоящими четырьмя избами, двумя амбарчиками, двумя высокими могучими берёзами и огромным тёплым синим безоблачным небом. Больше ничего. Но глядишь на всё это и никак не можешь наглядеться, отвести взгляд – такое тут всё чисто-зелёно-голубое, просторно необозримое, величаво-торжественное, – небольшие избушки и крошечные амбарчики и те величавы! – будто перед тобой не кусочек русской земли, а вся она во всем своём могуществе, весь белый свет во всей своей необъятности, совершенстве и красоте.

А ведь в картине тоже всё предельно обобщено, оголено – вся её силища, весь её высочайший психологизм в бесподобной композиции и совершенно светозарной, внутренне будто переливающейся, светящейся живописи.

“Пора безоблачного неба” много раз репродуцировалась, о ней немало написано, в том числе крупнейшими художниками и писателями, и почти все уверяют, что в их детстве всё было точно так же: лужайка, книга, друг – каждый имя своего вспоминает. Значит, сколько же было всего на Руси похожих мальчишек и картин! Опять попадание в миллионы и миллионы сердец и душ.

Сидоровская “Моя школа” тоже широко известна. Небольшой пустой класс деревенской деревянной школы. Всего десять парт в три ряда. Переносная доска с тряпкой. В простенке тёмный шкафчик, над ним портрет Пушкина. За высокими сводчатыми окнами – зима, идёт редкий снежок. По цвету окна мягко серебристые, холодные, а всё остальное – стены, потолок, парты, пол, шкафчик, доска – деревянное, охра-жёлто-золотисто-сизоватое и тёмно-коричневое – очень тёплое. И, несмотря на полную пустоту, – уроки, видимо, кончились или ещё не начались, – в маленьком классе тепло, уютно, он не отпускает, рождает тёплые воспоминания о своих школах и классах, о том, как там было хорошо, сколько было незабываемого, сколько узнавалось в те годы, как мы выросли. Не было ни у кого из нас времен, годов лучше, светлее тех.

И тот же “Сенокос”. Крошечные конная косилка и косцы вдали только что начали косьбу у подножия огромного холма, который весь в сказочном зелёно-розово-жёлтом буйном переливчатом, как бы плывущем многоцветье – и им тут ещё косить и косить. А по верху холма купы могучих берёз, за ними пасть с бесконечными синими лесами, и над всем этим огромное жаркое слепяще-синее небо, тоже в бесконечно длинных плывущих слоистых бело-розовых облаках. Ритмика земли и неба бесподобная. Теплынь, конец июня.

Опять перед нами вся Россия. Большой просторный холст.

Разве это пейзаж, хотя тут только он?

И в “Тихой моей Родине” – только он. И нет никаких фигур. Есть лишь увиденные откуда-то сверху, с птичьего полёта луга, поля, озеро, протоки, дороги, деревья, перелески, крошечная деревушка, непрерывный лес по горизонту, на бездонном голубо-синем небе небольшие кучевые ярко-солнечные праздничные облака, на земле от них тени, а в озере солнечные отражения – простор, ширь такая, что дух захватывает. Тут уже наша тихая Родина, самое важное и прекрасное в ней. И холст здесь ещё масштабней.

Как это можно назвать пейзажем? А на торжественном открытии выстав-

ки все твердили: пейзаж, пейзаж... Не-е-ет! Это глубочайшие художественные обобщения – символы русской земли, Родины.

Общее количество его работ перевалило за сотни, среди них немало очень больших, в несколько метров. Есть мотивы и сюжеты, как уже говорилось, которые он повторял не раз, например, огромную картину “После грозы” – с бегущей по лужам восторженной босоногой детворой впервые начал в пятьдесят седьмом, писал два года, через несколько лет написал новый вариант, а на этой выставке показал третий, завершённый накануне её открытия, в две тысячи восьмом.

Уму непостижимо, как и сколько надо работать, чтобы сотворить всё это, когда ты ещё возглавляешь Союз художников России. Сидоров во главе Союза уже двадцать лет, а до этого аж в семьдесят втором был впервые избран одним из его работающих секретарей, в ведении которого были закупочная и выставочная комиссии. А в Союзе более восемнадцати тысяч членов, и председатель руководит всей творческой и хозяйственной его деятельностью, всеми финансами и имуществом, в котором несколько собственных домов творчества, выставочных залов и других учреждений по всей России. Он обязан возглавлять или участвовать во всех крупных выставках, открывать все значительные выставки в стране. Участвовать во всех государственных и общетворческих культурных мероприятиях. Присутствовать на всех важных торжествах, заседаниях, симпозиумах, юбилеях, проводках в последний путь... Да мало ли что ещё должен делать председатель крупнейшего творческого Союза, который к тому же ещё и член президиума Академии художеств и профессор Суриковского института – много лет ведёт там мастерскую, и никак не может оттуда уйти – не отпускают студенты и коллеги.

Не дни, а целые недели проходят в непрерывной адской круговерти, без каких-либо передыхов, непонятно даже, как выдерживает-то в свои немалые годы. Закалился, а вернее, закалил себя. Потому что как только несколько часов высвобождается, он уже отвечает по телефону, что вот решил ещё посмотреть то, что недавно или давным-давно начал, и сидит с кистями, “подкрашивает”. Когда же умудряется высвободить день или два-три, то оказывается уже за триста километров в своём Подоле, на краю горы, в своей мастерской на втором этаже, из большого окна которой открывается вид, похожий на “Тихую мою Родину”.

На торжественном открытии и во время работы выставки многие очень удивлялись и спрашивали: почему эта выставка первая персональная в Москве у него, известного мастера, председателя Союза художников?

– Потому, – отвечал он, – что когда в семьдесят втором меня впервые избрали секретарём, поручив закупочную комиссию и выставочную, первым распоряжением я запретил что-либо покупать у Сидорова, у себя. И устраивать ему персоналки. А став председателем, счел то и другое ещё более непозволительным, неприличным. Теперь-то только в честь солидной даты.

После этих слов становится ясно, почему его столько десятилетий выбирают в руководители Союза.

Первыми истинными художниками-деревенщиками в России в девятнадцатом веке были упомянутые уже Алексей Венецианов и Григорий Сорока, в советские годы Аркадий Пластов, затем братья Ткачёвы, есть таковые и сейчас. И жизнь деревни прошлой, советской и нынешней представлена ими во всей своей полноте: и лучшее в ней, и худшее, неповторимое, тяжелое, трагическое.

У Сидорова нет ни одного трагического холста. И нелегкий крестьянский труд везде обыденен, а кое-где и радостен. Плотники – в “Майским утром на плотине” и начавшие ставить новую избу – в “Первом венце”. В “Осенней страде”, где убирают картошку. В “Миром”, где мужики сообща, на глазах всей деревни поднимают столб для электричества. В паре, убравшей сено в сарай – “Вечер, сено убрали”. Есть у него и разнообразные сельские праздники с гармошками, гуляньями, пляшущими пьяненькими мужиками, веселящейся ребятней. Есть пронзительнейший “День Победы” – ветеран в праздничном костюме с орденами одиноко стоит на дороге напротив своего дома – он один вернулся в деревню с Великой Отечественной.

Больше же всего у Сидорова картин с изображением крестьянской детворы. Кроме уже названных, замечательны мальчонки, идущие лугом вдоль узенькой извилистой речонки, чтобы узнать – “Откуда берётся речка Дубров-

ка”. Бесподобны своей слитностью с природой подростки, удирающие от надвигающейся грозы в “Берёзовом ветре”. С восторгом и завистью глядишь на его девчущку, взлетевшую на качелях под крышу своего дома, на ребятню, катающуюся на санках с горы в закатный мартовский вечер, на играющих меж старыми сараями в прятки, в футбол, на первые ухаживания подростка за околицей за девочками, на юношескую игру в горелки – “Гори, гори ясно”...

Из русских художников никто не поведал о детях деревни столько, сколько Валентин Михайлович. Сложил целую живописную поэму о радости вхождения человечков в жизнь, в мир, в его невыразимую красоту, одухотворённость и поэзию.

Не каждый человек сохраняет с годами в себе свет и восторг своего детства, Сидоров же не просто сохранил – он так всю немалую жизнь и видит всё вокруг глазами сорокопеньско-коровинского мальчишки. Поэтому и нет у него ничего не только трагического, но даже просто тоскливого, а есть только восторг и ликование от того, как неповторимо прекрасна наша земля и неповторимо прекрасен каждый миг жизни на ней.

Такого целиком светлого, возвышенно-поэтического художника у нас ещё не было.

Когда-то подростком он спросил у бабушки, что за игра была юношеская с возгласами “Гори, гори ясно, чтобы не погасло!” Она объяснила, что это горелки, в которые играли только в ночь на Ивана Купалу, когда жгли костры и прыгали через огонь, чтобы очиститься в нем от всего дурного. Меж костров молодёжь и устраивала догонялки пар с этими криками, а на самом-то деле это был как бы наказ каждому на всю взрослую жизнь: Гори, гори ясно!